

Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь

Жил старик со старухой; у них было три сына: двое умных, третий дурак. Старик со старухой померли. Перед смертью отец говорил:

— Дети мои любезные! Ходите три ночи на мою могилу сидеть.

Они кинули между собой жребий; досталось дураку идти. Дурак пошёл на могилу сидеть; в полночь выходит отец его и спрашивает:

— Кто сидит?

— Я, батюшка, — дурак.

— Сиди, моё дитяtko, господь с тобою!

На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой брат просит дурака:

— Поди, дурак, посиди за меня ночку; что хочешь возьми.

— Да, поди! Там мертвецы прыгают...

— Поди; красные сапоги тебе куплю.

Дурак не мог отговориться, пошёл другую ночку сидеть. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его отец и спрашивает:

— Кто сидит?

— Я батюшка, — дурак.

— Сиди, моё дитяtko, господь с тобою!

На третью ночь надо среднему брату идти, то он просит дурака:

— Сделай милость, поди посиди за меня; что хочешь возьми!

— Да, поди! Первая ночь страшна была, а другая ещё страшнее: мертвецы кричат, дерутся, а меня лихорадка трясёт!

— Поди; красную шапку тебе куплю.

Нечего делать, пошёл дурак и на третью ночь. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его батюшка и спрашивает:

— Кто сидит?

— Я — дурак.

— Сиди, моё дитяtko, господь с тобою! Вот тебе от меня великое благословение.

И даёт ему три конских волоса. Дурак вышел в заповедные луга, прижёл-припалил три волоса и крикнул зычным голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать.

Поутру царь клич кличет:

— Кто в третьем этаже мою дочь Милолику-царевну с разлёту на коне поцелует, за того отдам её замуж.

Старшие братья собираются смотреть, зовут с собой дурака:

— Пойдём, дурак, с нами!

— Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок — и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил три конские волоса и закричал:

— Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул и понёсся; его конь бежит, земля дрожит; горы, доли хвостом застиляет, пни, колоды промеж ног пускает. Через один этаж перескакал, через два — нет, и уехал назад.

Братья приходят домой, дурак на полатах лежит; говорят ему:

— Ах, дурак! Что ты не пошёл с нами? Какой там молодец приезжал — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!

— Не я ли, дурак?

— Да где тебе такого коня достать! Утри прежде под носом-то!

На другое утро старшие братья собираются к царю смотреть, зовут с собой дурака:

— Пойдём, дурак, с нами; вчера приезжал хорош молодец, нынче ещё лучше приедет!

— Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов, набью галок и принесу — и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил конские волосы:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился, сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через два этажа перескакал, через третий — нет; воротился назад, пустил своего коня в зелёные заповедные луга, а сам пришёл домой, лёг на печи.

Братья приходят:

— Ах, дурак, что ты не пошёл с нами? Вчера приезжал хорош молодец, а нынче ещё лучше; и где эта красота родилась?

— Да не я ли, дурак, был?

— Эх, дурак дурацкое и говорит! Где тебе этакой красоты достать, где тебе этакого коня взять? Знай на печи лежи...

— Ну, не я, так авось завтра узнаете.

На третье утро собираются умные братья к царю смотреть:

— Пойдем, дурак, с нами; нынче он её поцелует.

— Нет, не хочу; я в поле пойду, кузов возьму, набью галок, домой принесу — и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил конские волосы и закричал громким голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой. Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое ушко влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через все три этажа перескакал, царскую дочь в уста поцеловал, а она его золотым перстнем ударила в лоб.

Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришёл домой, завязал голову платком, лёг на полати. Братья приходят:

— Ах, дурак! Те два раза молодцы приезжали, а нынче ещё лучше; и где этакая красота родилась?

— Да не я ли, дурак, был?

— Ну, дурак, дурацкое и орёт! Где тебе этакой красоты достать?

Дурак развязал платок, всю избу осветил. Спрашивают его братья:

— Где ты этакой красоты доставал?

— Где бы ни было, да достал! А вы всё не верили; вот вам и дурак!

На другой день царь делает пир на весь православный мир, приказал сзывать во дворец и бояр, и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых: царевна-де станет выбирать своего наречённого жениха. Умные братья собираются к царю на обед; дурак завязал голову тряпицею и говорит им:

— Теперь хоть не зовите меня, я и сам пойду.

Пришёл дурак в царские чертоги и забился за печку. Вот царевна обносит всех вином, жениха выбирает, а царь за ней следом ходит. Всех обнесла, глянула за печку и увидала дурака; у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да сопли текут. Вывела его Милолика-царевна, утёрла платком, поцеловала и говорит:

— Государь батюшка! Вот мой суженый.

Видит царь, что жених нашёлся; хоть дурак, а делать нечего — царское слово закон! И сейчас же приказал обвенчать их. У царя известное дело — ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дурак стал третий. Один раз призывает он своих умных зятьёв и говорит таково слово:

— Зятя мои умные, зятя разумные! Сослужите мне службу, какую я вам велю: есть в степи уточка золотые пёрышки; нельзя ли её достать мне?

Велел оседлать им добрых коней и ехать за уточкою. Дурак услышал и стал просить:

— А мне, батюшка, дай хоть водовозницу.

Дал ему царь шелудивую лошадёнку; он сел на неё верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бедрам:

— Но, но, собачье мясо!

Выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал с неё шкуру и закричал:

— Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вот вам батюшка корму прислал.

Налетели галки, карги и сороки и съели всё мясо, а дурак зовёт сивку-бурку:

— Стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; дурак влез в левое ушко — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец. Добыл утку золотые пёрышки, раскинул шатёр, сам в шатре сидит; а возле уточка ходит. Наехали на него умные зятя, спрашивают:

— Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка.

Отвечает дурак:

— В вашу пору — братец вам.

— А что, братец, продаёшь уточку золотые пёрышки?

— Нет, она не продажная, а заветная.

— А сколько завету?

— С правой руки по мизинцу.

Отрезали по мизинцу с правой руки и отдали дураку; он в карман положил. Приехали зятя домой, полегли спать; царь с царицею ходят да слушают, что зятя говорят. Один говорит жене:

— Тише, руку мне развередила.

Другой говорит:

— Ох, больно! Рука болит.

Поутру царь призывает к себе умных зятьёв:

— Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи свинка золотая щетинка с двенадцатью поросятами; достаньте мне её.

Приказал оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Дурак выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру:

— Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вам царь корму прислал.

Слетелись галки, карги и сороки и расклевали всё мясо. Дурак вызвал сивку-бурку, вещь каурку, добыл свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и раскинул шатёр; сам в шатре сидит, свинка около ходит. Наехали умные зятья:

— Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка.

— В вашу пору — братец вам.

— Это твоя свинка золотая щетинка?

— Моя.

— Продай нам её; что возьмёшь?

— Не продажная, а заветная.

— Сколько завету?

— С ноги по пальцу.

Отрезали с ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Наутро призывает царь своих умных зятьёв, приказывает им:

— Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи кобыла золотогривая с двенадцатью жеребятами; нельзя ли достать её?

— Можно, батюшка!

Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Сел он к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятя над ним смеются. Выехал дурак в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру:

— Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вот вам батюшка корму прислал.

Слетелись галки, карги и сороки и поклевали всё мясо. Тут закричал дурак громким голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец.

— Надо, — говорит, — добыть кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами.

Отвечает ему сивка-бурка, вещая каурка:

— Прежние задачи были ребячьи, а это дело трудное! Возьми с собой три прута медных, три прута железных и три оловянных; станет за мною кобылица по горам, по долам гоняться, приустанет и упадёт наземь; в то время не плошай, садись на неё и бей промеж ушей всеми девятью прутьями, пока на мелкие части изломаются: разве тогда покоришь ты кобылицу златогривую.

Сказано — сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и раскинул шатёр; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана. Наехали умные зятя, спрашивают:

— Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка.

— В вашу пору молодец — братец вам.

— Что, братец, твоя кобыла к столбу привязана?

— Моя.

— Продай нам.

— Не продажная, а заветная.

— А сколько завету?

— Из спины по ремню.

Вот умные зятя жались-жались и согласились; дурак вырезал у них по ремню из спины и положил в карман, а им отдал кобылицу с двенадцатью жеребятами.

На другой день собирает царь пир пировать; все сошлись. Дурак вынул из кармана отрезанные пальцы и ремни и говорит:

— Вот это — уточка золотые пёрышки, вот это свинка золотая щетинка, а вот это — кобылица золотогривая с двенадцатью жеребятами!

— Что ты бредишь, дурак? — спрашивает его царь, а он в ответ:

— Государь батюшка, прикажи-ка умным зятям перчатки с рук снять.

Сняли они перчатки: на правых руках мизинцев нет.

— Это я с них по пальцу взял за уточку золотые пёрышки, — говорит дурак; приложил отрезанные пальцы на старые места — они вдруг приросли и зажили.

— Сними, батюшка, с умных зятьёв сапоги.

Сняли с них сапоги — и на ногах не хватает по пальцу.

— Это я с них взял за свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Приложил к ногам отрезанные пальцы — вмиг приросли и зажили.

— Батюшка, сними с них сорочки.

Сняли сорочки, у обоих зятьёв из спины по ремню вырезано.

— Это я с них взял за кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами.

Приложил те ремни на старые места — они приросли к спинам и зажили.

— Теперь, — говорит дурак, — прикажи, батюшка, коляску заложить.

Заложили коляску, сели и поехали в чистое поле. Дурак прижёг-припалил три конские волоса и крикнул громким голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит, прибежал и стал как вкопанный. Дурак в левое ушко влез —

напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! С того времени жил он с своей женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мёд-вино пивал; сколько ни пил — только усы обмочил!

183

Жил-был царь, у него была дочь, царевна Неоценённая Красота, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь сделал клич по всем городам: кто поцелует царевну через двенадцать стёкол, тот, какого бы роду ни был, возьмёт царевну себе в жёны и получит за нею полцарства. А в этом царстве жил купец; у него было три сына: два — старший и средний — умные, а третий — меньшой — дурак. Вот старшие братья и говорят:

— Мы, батюшка, поедем добывать царевну.

— Поезжайте с богом! — говорит купец.

Взяли они себе что ни самых лучших лошадей и стали собираться в путь-дорогу, а дурак тоже себе собирается.

— Куда тебе, дураку, ехать, — говорят братья, — где тебе поцеловать царевну! — и всячески над ним смеются.

Поехали они, а дурак вслед потащился на худой, паршивой лошащёнке. Выехал в поле да как крикнет зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою.

Откуда ни взялся отличный конь, бежит — земля дрожит. Дурак влез ему в одно ушко, в другое вылез и сделался такой молодец да красавец, что и не видывано и не слыхивано! Сел на коня, приехал к царскому дворцу, как разлетится — так шесть стёкол и разбил. Все так и ахнули, кричат:

— Кто таков? Ловите его, держите!

А его и след простыл. Уехал себе в поле, опять влез своему коню в одно ушко, в другое вылез и стал такой же дурак, каков был прежде; сел на клячу, приехал домой и лёг на печке. Воротились и братья, рассказывают:

— Вот, батюшка, был молодец так молодец! Шесть стёкол зараз пробил!

А дурак с печки кричит:

— Братцы, а братцы! Не я ли это был?

— Куды тебе, дураку! Тебе ли добыть царевну! Ты её ногтя не стоишь.

На другой день братья опять собрались ехать к царскому дворцу, а дурак тоже себе собирается.

— Ты зачем, дурак? — смеются братья. — Недоставало тебя там, что ли?

А дурак выехал опять на паршивой, лядащей лошадёнке в поле и крикнул зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит. Опять влез коню в одно ушко, в другое вылез и сделался такой молодец да красавец, что и не видывано и не слыхивано! Разлетелся на царском дворе, так все двенадцать стёкол и разбил и поцеловал царевну Неоценённую Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила. Все так и ахнули, кричат:

— Кто таков? Ловите его, держите!

А его и след простыл. Уехал себе в поле, опять влез своему коню в одно ушко, в другое вылез и стал такой же дурак, каков был прежде. Приехал домой, завязал свой лоб тряпицею, притворился, что голова болит, и лёг на печку. Воротились и братья и рассказывают:

— Эх, батюшка, вот был молодец так молодец! Зараз пробил все двенадцать стёкол и поцеловал царевну.

А дурак с печки отзывается:

— Братцы, а братцы! Не я ли это был?

— Куды тебе, дураку!

Царевна тем времечком думает: кто бы таков был её жених? Приходит к царю и говорит:

— Батюшка, позволь мне собрать всех царевичей и королевичей, дворян, и купцов, и всяких крестьян на пир, на беседу и поискать, кто меня поцеловал.

Царь дозволил. Вот собрался весь крещёный мир; царевна сама всех обходит, сама всех вином угощает да высматривает, не приметит ли у кого на лбу клейма. Обошла уж всех и под конец стала подносить вино дураку.

— А что это у тебя завязано? — спрашивает царевна.

— Так, ничего! Голова болит, — отвечает дурак.

— Ну-ка развяжи!

Дурак развязал голову; царевна узнала клеймо и обмерла. Царь и говорит ей:

— Теперь уже этого слова изменить нельзя; так тому и быть, будь ему женою.

Перевенчали дурака с царевною; она горько-горько плачет, а другие две царевны, её сестры, что повыходили замуж за царевичей, смеются над нею: «Вот вышла за дурака!»

Раз царь призывает своих зятьёв и говорит им:

— Любезные мои зятья! Я прослышал, что в этаким-то царстве, в этаким-то государстве есть диковинка: свинка золотая щетинка. Нельзя ли её каким образом добыть? Постарайтесь-ка!

Вот двое умных-то зятьёв оседлали себе самых что ни на есть отличных лошадей, сели и поехали.

— Ну что ж? — говорит царь дураку. — И ты поезжай.

Дурак взял с конюшни что ни есть самую последнюю клячу и поехал следом за царевичами; выехал в поле, закричал зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.

Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Дурак влез ему в одно ушко, в другое вылез; откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают:

— Чего хочешь, чего изволишь?

— Чтоб была здесь разбита палатка, в палатке кровать, а возле гуляла бы свинка золотая щетинка.

Все это явилось в одну минуту: раскинулась палатка, в палатке кровать, на кровати разлёгся дурак, да таким молодцом, что никому не признать его! А свинка золотая щетинка гуляет возле по лугу. Другие зятья ездили-ездили, нигде не видали свинки золотой щетинки и ворочаются уж домой; подъезжают к палатке и видят диковинку.

— Ах, вот где ходит-гуляет свинка золотая щетинка! Поедем, — говорят, — что ни дать — дадим, а уж купим свинку золотую щетинку да угодим нашему тестю.

Подъехали к палатке и поздоровались. Дурак спрашивает:

— Чего вы ездите, чего ищете?

— Не продашь ли нам свинку золотую щетинку? Мы давно её ищем.

— Нет, не продажная; себе нужна.

— Что хошь возьми, только продай! — и дают они за свинку тысячу, и две, и три тысячи, и больше. Дурак не соглашается:

— Не возьму и ста тысяч!

— Пожалуйста, уступи; возьми что хочешь.

— Ну, коли она вам очень надобна, я, пожалуй, отдам и недорого возьму: с ноги по мизинцу.

Вот они подумали-подумали, сняли сапоги и отрезали с ноги по мизинцу. Дурак взял пальцы и спрятал к себе, а свинку золотую щетинку отдал.

Зятя приезжают домой и приводят с собою свинку золотую щетинку; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить.

— Не видали ль где дурака? — спрашивает их царь.

— Видом не видали, слыхом не слыхали!

А дурак влез коню в одно ушко, вылез в другое и стал такой же дурак, каков был прежде; убил свою клячу, содрал с неё кожу и надел на себя, потом наловил сорок, ворон, галок да воробьёв, нацеплял кругом на себя и пошёл домой. Пришёл во дворец и распустил всех своих птиц; они разлетелись по разным сторонам и побили почитай все окна. Царевна Неоцененная Красота как увидела это, так и залилась слезами, а сестры её так и хохочут:

— Наши мужья привезли свинку золотую щетинку, а твой-то дурак, посмотри-ка, посмотри, каким уродом нарядился!

А царь закричал на дурака:

— Это что за неуч!

Ну, хорошо.

В другой раз царь призвал своих зятьёв и говорит им:

— Любезные мои зятя! Я прослышал, что в этаким-то царстве, в этаким-то государстве есть диковинка: олень золоторогий, золотохвостый. Нельзя ли его коим образом достать?

— Можно, ваше царское величество.

Вот двое умных-то зятьёв оседлали себе что ни самых лучших лошадей и поехали.

— Ну что ж? — говорит царь дураку. — Поезжай и ты.

Дурак взял с конюшни что ни есть самую последнюю клячу и поехал следом за умными зятьями. Выехал в поле, закричал зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.

Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Вот он влез ему в одно ушко, вылез в другое; откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают:

— Чего хочешь, чего изволишь?

— Чтоб была здесь разбита палатка, в палатке кровать, а возле гулял олень золоторогий, золотохвостый.

В ту же минуту раскинулась палатка, в палатке кровать, на кровати разлёгся дурак, да таким красавцем, что и не признаешь! А возле гуляет по лугу олень золоторогий, золотохвостый. Умные зятья ездили, ездили, нигде не видали такого оленя и ворочаются домой; стали подъезжать к палатке и видят диковинку.

— Вот где гуляет-то олень золоторогий, золотохвостый! Поедем, — говорят, — что ни дать — дадим, а уж купим этого оленя да угодим тестю.

Подъехали, поздоровались. Дурак спрашивает:

— Чего вы ездите, чего ищете?

— Не продашь ли нам оленя золоторогого, золотохвостого?

— Нет, не продажный; себе надобен.

— Что хошь возьми, да продай! — и дают за оленя тысячу, и две, и три тысячи, и больше. Дурак и слышать не хочет, не берёт денег:

— А коли вам полюбился мой олень, я, пожалуй, за него недорого возьму: с руки по мизинцу.

Вот они подумали-подумали и согласились, сняли перчатки и отрезали с руки по мизинцу. Дурак спрятал пальцы к себе, а оленя отдал.

Приезжают зятя дома и приводят оленя золоторогого, золотохвостого; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить.

— Не видали ль где дурака? — спросил царь.

— Видом не видали, — говорят зятя, — слыхом не слыхали!

А дурак влез опять коню в одно ушко, вылез в другое и стал таким же, каков был прежде; убил свою клячу, содрал с неё кожу и надел на себя, наловил после галок, ворон, сорок, воробьёв, нацеплял их кругом себя и пошёл домой. Опять приходит во дворец и пустил птиц в разные стороны. Жена его, царевна, так и зарыдала, а сестры её смеются:

— Наши мужья привели оленя золоторогого, золотохвостого, а твой-то дурак — посмотри-ка, посмотри!..

Царь на дурака закричал: «Что за неуч такой!» — а умным зятям полцарства отдал.

В третий раз призывает царь своих зятёв и говорит:

— Ну, любезные мои зятя, отдам я вам и всё моё царство, коли вы добудете мне коня золотогривого, золотохвостого, о котором прослышал я, что есть в этаким-то царстве, в этаким-то государстве.

Вот двое умных-то зятёв оседлали себе по-прежнему что ни есть самых лучших лошадей и поехали в путь-дорогу. Царь посылает и дурака:

— Ну что ж? Поезжай и ты.

Дурак взял с конюшни самую последнюю клячу и поехал следом за умными; выехал в поле и закричал зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.

Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Вот влез он ему в одно ушко, в другое вылез — и сделался таким красавцем, что и признать его никому невмочь! Вдруг откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают:

— Чего хочешь, чего изволишь?

— Чтобы была здесь разбита палатка, в палатке кровать, а возле гулял бы конь золотогривый, золотохвостый.

Тотчас раскинулась палатка, в палатке кровать, на кровати разлёгся дурак, а возле гуляет по лугу конь золотогривый, золотохвостый. Умные зятья ездили-ездили, нигде не видали такого коня и ворочаются домой; стали подъезжать к палатке и видят такую диковинку.

— Вот где ходит-гуляет конь золотогривый, золотохвостый! Поедем, — говорят, — что ни дать — дадим, а уж купим коня золотогривого, золотохвостого да угодим тестю.

Подъехали, поздоровались. Дурак говорит:

— Чего вы ездите, чего ищете?

— Продай нам коня золотогривого, золотохвостого.

— Нет, не продажный; самому нужен.

— Что хошь возьми, только продай! — и дают ему за коня тысячу, и две, и три тысячи, и больше.

— Не возьму и сотни тысяч! — говорит дурак.

— Пожалуйста, уступи; возьми что знаешь.

— Ну, коли вам очень надо, я, пожалуй, отдам и недорого возьму: дайте со спины по ремню вырезать.

Вот они думали-думали, мялись-мялись, и коня-то очень хочется, и себя-то жалко, и решились наконец: разделись, сняли с себя рубашки, дурак вырезал у них из спины по ремню; взял и спрятал ремни к себе, а им отдал коня.

Приезжают зятья домой и приводят с собой коня золотогривого, золотохвостого; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить, и отдал им и остальную половину своего царства. А дурак опять влез коню в одно ушко, вылез в другое и стал таким же, каков был прежде; опять убил свою клячу, содрал с неё кожу и надел на себя, наловил галок, сорок, ворон, воробьёв и нацеплял их кругом себя. Пришёл во дворец и распустил птиц по сторонам: они разлетелись и побили почитай все окна. Царевна-то, его жена, плачет, а сестры её так и смеются:

— Наши мужья привели коня золотогривого, золотохвостого, а твой-то дурак, посмотри-ка, посмотри, каким уродом идёт!

Закричал царь на дурака:

— Что это за неуч такой! Я тебя велю расстрелить!

А дурак спрашивает:

— Чем-то будешь меня жаловать?

— За что тебя, дурака, жаловать-то?

— Да коли пойдёт на правду, я добыл тебе и свинку золотую щетинку, и оленя золоторогого, и коня золотогривого.

— А чем докажешь? — спрашивает царь. Дурак говорит:

— Вели, государь, снять своим зятьям сапоги-то.

Зятья начали переминаясь, не хотят снимать сапогов.

— Снимите сапоги, — заставляет царь, — тут ещё нет вины.

Сняли сапоги; царь смотрит: нет у них на ногах по пальцу.

— Вот ихние пальцы! — говорит дурак. — Прикажите теперь снять им перчатки.

Сняли перчатки, и на руках нет по пальцу.

— Вот они! — говорит дурак. — Прикажите-ка теперь снять им рубашки.

Царь видит, что дело идет на правду, велел им раздеваться. Сняли рубашки, видит царь: у каждого вырезано из спины по ремню, шириною пальца в два.

— Вот эти ремни! — говорит дурак и рассказывает всё, как было.

Царь не знал, как его угостить и как пожаловать; отдал ему всё царство, а других зятёв за то, что обманывали, велел расстрелить. Дурак вышел в поле, закричал зычным голосом:

— Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит. Дурак влез в одно ушко, вылез в другое, сделался молодцом да красавцем, воротился домой и стал с своею царевною жить да поживать да добра наживать.

Жив колись на світі старенький панок вдовець і мав у себе трьох синів: двох розумних, а третього дурня; і дурень усе було сидить у грубі і мене в попелі пузирі. Як же прийшла пора батькові умирати, то він, зізвавши до себе усіх, заповідав, щоб вони, де його поховать, приходили по череді три ночі зряду кождий особне до його на могилу: старший на першу ніч, середульший на другу, а дурень на третю. І послі, як умер, вони його поховали і одпоминали; то дурень, діждавшись темної ночі, виліз із груби і, побачивши, що у братів повні хати гостей, п'ють та бенкетують, спитав старшого: чи піде він на могилу до батька? — і почувши, як сказав той: не хочу, — побрів сам, нікому не сказавши, до могили і сів із-боку коло їй. У саму ж глупу ніч земля на могилі розступилась і батько, вилізши наверх з ями, спитав: «А хто тут сидить?» Як же почув, що обізвався дурень і розказав, що старший казав: іти не хочу, — то він, оддаючи йому уздечку, велів, щоб коли йому буде яка нужда або чого треба — то потряс би уздечкою, і до його прибіжить зараз чорний кінь; тогді вліз би йому у праве ухо, а у лівє виліз і загадував коню, чого йому треба. А сам поліз уп'ять у яму, і могила затулилась.

Тогді дурень, узявши уздечку, вернувся додому і поліз у грубу спати. На другий же день, почувши, що гості у братів бенкетують, і, діждавшись ночі, знайшов середульшого і спитав: чи піде він до батька на могилу? Но як сказав і сей, що не хочу, то він побрів сам і сів на тім же місці коло могили. У саму ж глупу ніч земля на могилі розступилась, батько з ями виліз наверх, і, узнавши, що сидить дурень, а середульший сказав: не хочу, — то він, оддавши йому і другу уздечку, тоже велів: як треба колись буде — щоб він потряс уздечкою, і зараз прибіжить до його рижий кінь; то він щоб уліз йому у праве ухо, а у лівє виліз і загадував коню, чого йому треба. Сам сховався у яму, земля затулилась, а дурень, вернувшись додому, поліз у грубу спати. Проснувшись же на третій день, почув, що усе гості бенкетують, і діждавшись ночі, пішов на могилу, як тільки гаразд смеркло, і сів у тім же самім місці коло могили. Земля розступилась, батько з ями виліз і, побачивши, що сидить дурень, оддав йому і третю уздечку і розказав, що коли йому чого буде треба, то щоб потряс єю — і тогді вже прибіжить до його кінь сивий; щоб вліз йому в праве ухо, а у лівє виліз і загадував, чого буде треба. Попрощавсь з дурнем, не звелів вже до могили приходити, поліз у яму. Земля затулилась, і дурень, з уздечкою вернувшись додому, поліз у грубу спати.

У те ж саме врем'я цар тієї земельки, де жив дурень з братами, мавши у себе одну дочку дівку, построїв терем, чи стовп кам'яний превисокий, і розіслав по царству бумаги, що хто з молодців дістане там дочку його, за того оддасть їй і

усе царство з нею. І назначив для того три дні, коли хто схоче з царів і панів і усякого народу, з'їжджатись і сходитись. То до братів дурневих з'їхалось багато молодців, і брати вже туди убирались самі і коней убирали; дурень попросив, щоб узяли і його хоч подивитись, но усі вони, осміявши його, покинули дома. Дак він, узявши перву уздечку і вийшовши за царину у поле далеченько, як потряс уздечкою, то зараз прибіг до його чорний як галка кінь і поспитав, чого треба? — а взнавши, звелів лізти у праве ухо, а у лівє вилазить. І як зробив се дурень, то сам себе не пізнав в дорогій одежі — дуже хороший зробився! А кінь його поспитав: чи бігти по землі, чи піднятись вище? Скочивши раз, полетів, як птиця, і долетівши до царівни, мимо її промчався. Тут народ наробив крику, щоб ловити; но він, як птиця, тільки мелькнув, одбіг у поле, зняв з коня узду, сам перемінився, прийшов додому і поліз у грубу.

Як же приїхали брати і навезли гостей до себе, то тільки і мови було, що про тее чудо. На другий же день уп'ять народ збирався, і до братів заїхало товариство і вже готовились їхать, так і дурень попрохавсь, щоби взяли його хоч подивитись. Но вони, над ним насміявшись, поїхали. Тогді дурень, узявши другу уздечку, вийшов у поле далеченько, потряс уздечкою — і зараз прибіг до його рижий кінь і поспитав: чого треба? — а взнавши, звелів влізти у праве ухо, а у лівє вилізти. І як зробив тее дурень, то став ще в багатшій одежі і кращий, ніж первий раз. І звелів коню нести його од землі високо. Кінь як скочив раз, то дурень і не вгледів, коли став коло царівни і її минув; прибігши ж у поле, почув, що народ кричав: «Ловіть!», но вже пізно. Він з коня уздечку зняв, сам перемінився, пішов додому і поліз у грубу. Брати приїхали з гостями і усе розказували тее чудо. А на третій день уп'ять народ тудаж збирався; до братів заїхало товариство, і вже з двора виїжджали, тогді і дурень, узявши третю уздечку, вийшов у поле, потряс уздечкою — і зараз прибіг до його сивий і, взнавши, для чого він званий, звелів пролізти у обоє уха. А як дурень тее зробив, то явивсь ще в багатшій одежі і кращий од первих двох разів і звелів нести його од землі високо. Кінь як скочив раз — долетів до царівни; дурень зірвав у неї із шиї платочок, а вона вдарила його в лоб перстнем — напечаталась печатка. Народ кричав, кричав, що «ловіть», но він пролетів, з коня уздечку зняв у полі, сам перемінився, прийшов додому і уліз у грубу, а печатка на лобі осталася вічно.

На другий же день послав цар усіх оглядати, у кого на лобі осталась печатка. Посланці, обійшовши скрізь і усіх огледівши, привернули і до братів, і не знайшовши ні на одному печатки, виволокли дурня з груби за ноги, і як угледіли на його лобі печатку — полякались; узявши з собою дурня, повели до царя, і цар, щоб не ізмінять слова, звелів попам його з дочкою звінчати і дав їм, щоб вони жили, особу хатину. А сам об'явив, що хто приведе до його козу,

на котрій золота та срібна шерсть, тому вручить царство. Зібралось багато різного народу і по усіх дорогах і стежках роз'їхались кози шукати. Так і дурень упросив жінку, щоб випросила і йому у царя яку-небудь шкапу. А як вона з сльозами випросила водовоза, то він, узявши з собою перву уздечку і сівши на шкапу задом до голови, а очіма до хвоста, узяв у зуби хвіст і, поганяючи долонею, виїхав у поле, а там, вставши, узяв за хвіст, смикнув і зтяг шкуру, стерво покинув собакам, а сам потряс уздечкою, і як прибіг до його чорний кінь, то він, розказавши, чого треба, і визнавши од його, де коза ходить, проліз крізь уха, перемінився зовсім і, сівши на коня, зараз козу піймав, прив'язав до стремена і вернувся назад потихеньку. Недалеко ж од'їхавши, зустрів одного із тих, що поїхали козу шукати, і той став просить, щоб він узнав, що хоче, і козу йому оддав. Так дурень стрествовав із правої руки од крайнього пальця урізати один сугав, і той согласився; так він козу оддав, а сугав заховав у кишеню.

І як роз'їхались, то дурень узду з коня зняв і прийшов додому, а той як привів до царя козу, то цар зготував обід, скликав народ і об'явив, що хто ще приведе до його дикого кабана в золоті та в сріблї, то той і царство получить. На другой день зібрався народ, і усі в різні сторони роз'їхались кабана шукати. І дурень уп'ять намігся на жінку, щоб і йому випросила у царя шкапу. І та як з плачем випросила, то він уп'ять, виїхавши у поле, зтяг шкуру, покинув стерво у полі, а сам потряс другою уздечкою. І як прибіг кінь рижий, то він, розказавши, чого треба, і почувши од його, де кабан ходить, проліз у обоє уха, перемінився, сів на коня і зараз піймав кабана, прив'язав у пояса і вернувся назад.

Недалеко ж од'їхавши, зустрів уп'ять того, що козу купив, і як став він прохати, щоб і кабана йому оддав, то дурень потребовав, щоб на правій же руці дав одрізати другого пальця перший сугав; і той согласився. Він урізав сугав, заховав у кишеню, оддав кабана, а сам, од'їхавши, зняв уздечку, коня пустив і вернувся додому. Як же той привів кабана, то цар звелів готувати обід, усіх скликав і сказав, що хто іще приведе у послідній раз кобилу в золоті та сріблї, то той вже получить і царство. На третій день зібрався народ, і усі роз'їхались в різні місця кобилу шукати. Так і дурень на жінку намігся, щоб йому випросила шевлюгу. Вона пішла до царя, і хоч той не хотів давати за те, що двоє вже пропало, но, уваживши на сльози, дав; а сей, виїхавши у поле, также зтяг шкуру, стерво покинув собакам, а сам узяв третю уздечку і потряс. І як прибіг кінь сивий і дурень йому розказав, чого треба, а кінь об'явив, що кобила тепер з ним паслась у полі, то він, пролізши в обоє уха, перемінився, на коня сів і зараз кобилу піймав і вернувся назад. Не доїжджаючи додому, зустрів уп'ять того ж чоловіка і за кобилу зторговався, щоб на тій руці урізати третього пальця первий сугав. І як урізав, сховав сугав у кишеню, сам

од'їхав, з коня узду зняв і вернувся додому. А як привели кобилу, то царь звелів готувати обід, поззивав народ і, сидя за столом, об'явив, що завтра вручає царство тому, хто піймав козу, кабана і кобилу. Тоді дурень об'явив, що усе половив він і попродав за сугави на правій руці із пальців, і, вийнявши, поклав на тарілку сугави, а тому звелів, щоб показав руку. Тоді народ здивувався, цар і його жінка зрадувались, повставали од обіда, вийшли усі на двір, а дурень потряс усіми трьома уздечками — прибігли усі три коні; він лазив до усіх у обоє уха і перемінявся так, що із хорошого зробився кращим, а із кращого йще кращим, на конях літав поверх хат і лісів. Коней він не пустив у поле, а поставив з кобилою, кабаном і козою у стайні. Сам зробився царем, ввійшов жить у царські будинки, братів зробив панами; бог послав жінці двоїх близнюків-діток; над батьком вистроїв церков, щодня його поминає, сам п'є горілку з барильця, і я прихопився тай собі напився — по бороді текло, а в роті не було!